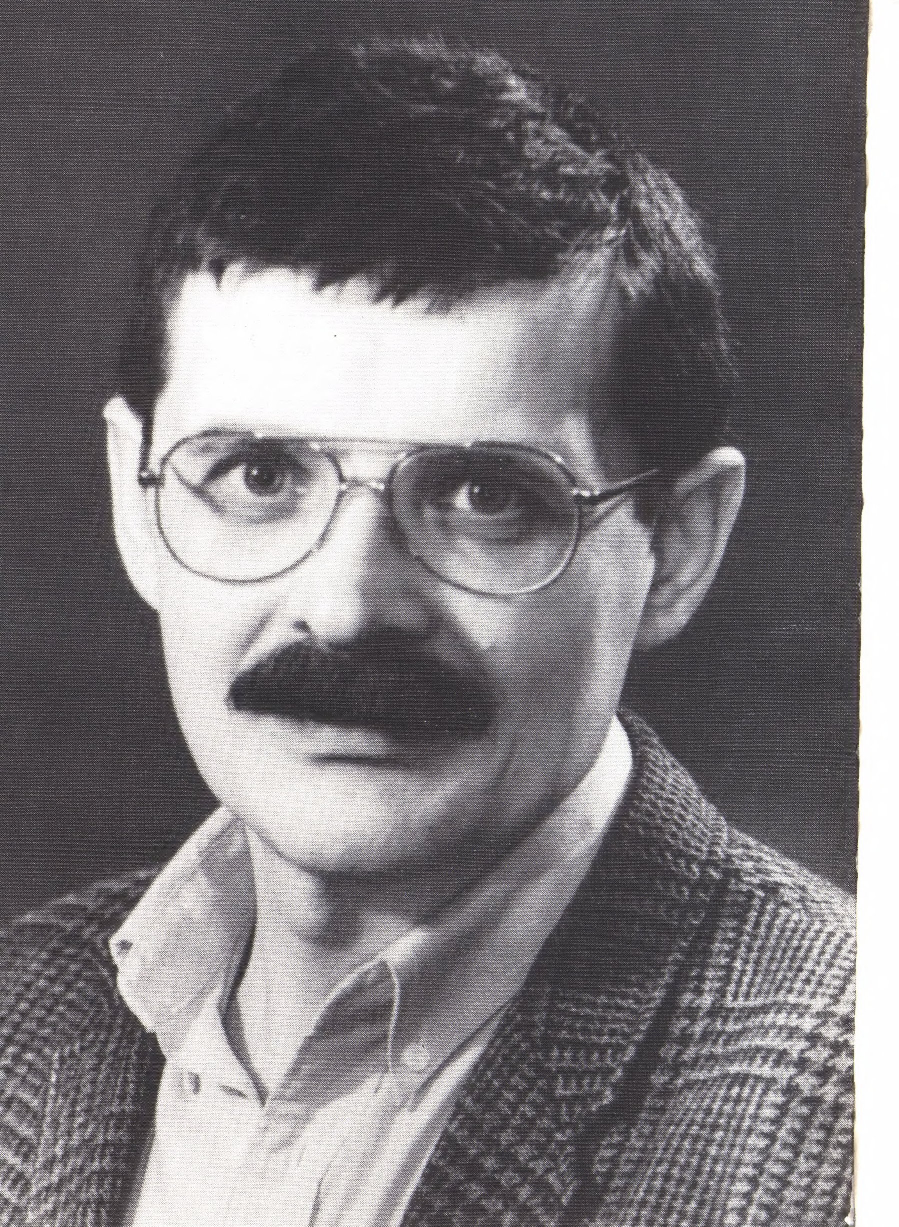
Юрий Голицын

Скважина

Юрий
Голицын

Скважина

Стихи

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА
1991

ББК 84 Р7
Г 60

Художник
Владимир МЕДВЕДЕВ

Г $\frac{4702010202-409}{083(02)-91}$ 178—90

ISBN 5—265—01243—5

* * *

Милосердны запахи земли,
даже горький дух
осенней гнили,
даже прах,
которым замели
битвы мира
нежные ковы́ли.

Был я глиной
и сухим песком,
черноземом и солончаками,—
помню я себя
земли комком
под копытами
и под ногами...

Но лицо дала мне в звездный час
(рот — чтоб целовать!
глаза — чтоб плакать!)
воля, превращающая нас
в человекомыслящую мякоть.

И она дала мне в звездный час
(так ветрами овевает сушу!)
нечто — превращающее нас
в человекомыслящую душу.

1979

* * *

Курю папиросу одну за другой,
Сижу на скамье под березой.
И может ли, в принципе, кто-то другой
Дымить надо мной папиросой?

Ведь это — не блочный жилой небоскреб,
А сквер со скамейкой, с луною!
Но кто-то, надвинув ушанку на лоб,
Уселся курить надо мною.

Я чиркаю спичкой — и вместо одной
Две спички над урной порхают.
Я кашляю — кашляет он надо мной,
Вздыхаю — он тоже вздыхает.

Тогда я рывком поднимаюсь одним
И вижу, что он — надо мною,
А также — до самого неба!— над ним
Сидят на скамье под луною

И курят, и кашляют вместе со мной
Такие же точно созданья,
И мы проживаем под крышей одной
На всех этажах мирозданья.

1975

* * *

Грядущее посеяно давно,
безжалостно
сквозь нас растет оно,
и сеятель следит за этой нивой,
где новое таится до поры,
покуда копья молодой травы
пробьются
сквозь надменный мрак ревнивый,
сквозь камни самолюбья, сквозь металл
гордыни нашей...
Если час настал,
его никто на свете не отсрочит
ни на мгновенье.
Волею судеб
грядущее сквозь нас растет, как хлеб,
который съест и тот, кто не захочет.

1988

* * *

Останется только свобода
Внутри непроглядных глубин,
Где ясность особого рода
Окрасила гемоглобин.

Останется только любовный,
Страдания братственный свет,
Настолько кровавый и кровный,
Что каждый в нем будет согрет.

Останется только улыбка
Слезы, застилающей взор.
А все остальное — присыпка
И смазка житейских рессор.

Мы снегом напишем оттуда,
Где раньше окажемся вас,—
И звездочек белая груда
Восполнит мой краткий рассказ.

1985

СЛАВЯНЕ СЛАВИЛИСЬ НЕ ТЕМ...

Славяне славились не тем,
Что презирали дух Европы.
Вовек славянские холопы
Не строили китайских стен.

В Европу прорубить окно —
Вот это в духе славянина!
И партизанская дубина,
И битва под Бородино.

Славяне доблестью сильны,
А не угрюмым, тухлым чванством.
Сильны возделанным пространством
И совестью раскалены!

Нет, не попрание чужбин,
Не инородцев осмеянье
Диктуют гордые славяне
Мне из-под пращурных рябин.

Никто мой козырь не побьет
И не отнимет первородства!
И мой славянский дух не пьет
Из грязной лужи превосходства.

1975

ШЕСТЬ КРЫЛЬЕВ

Пока не забрезжил рассвет,
Пока не проснулись трамваи,
Пока еще в воздухе нет
Бензина и рева машин,
Три уточки с юга летят,
Родные края узнавая,
Где плавали трое утят
Под шелест зеленых вершин.

Три уточки прибыли к нам
По воле таинственной тяги.
Шесть крыльев в их память вросло —
И плещут, по воздуху мчась...
Их тянет к незримым волнам,
К затоке, к замшелой коряге
Апрель, этот день, и число,
И этот предутренний час.

Три уточки в небе ночном
Над сонной Москвою весенней...
Их крылья слышны за окном,
Где синяя мгла натекла.
И веет озерной волной
И памятью прикосновений
Сиреневый воздух зари
Под взмахом шестого крыла.

1985

* * *

Я так долго стоял на ветру,
Под дождем и под снегом туманным,
Я так близко садился к костру,
Когда был молодым и румяным,
Из кромешной такой темноты
Продирался так яростно к свету —
Что теперь не боюсь пустоты,
Потому что нигде ее нету.

Одиночество и пустота —
Это градусник, голосом ртути
Объявляющий, что густота
Перекрыла все подступы к сути.
Густота, густота, густота,
Непролазная чаща живая,
Где бредешь от куста до куста,
Лет на десять меж них застревая.

И слышны голоса, голоса
Тех, кто вышел на свет, на дорогу.
И от них — полоса, полоса
Серебрит времена, небеса,
Облегчая наш путь понемногу.

1978

* * *

Сильнейшее влияние небес
я испытал на родине земной,
где наблюдался явный перевес
духовной жизни над любой иной.

Хотя ограмотевший мракобес,
услышав это, ринется за мной,—
сильнейшее влияние небес
я испытал на родине земной.

С немилосердным опытом вразрез,
но в лад всему, что скрыто глубиной,
сильнейшее влияние небес
я испытал на родине земной.

И более того скажу: прогресс
меня заставил, как отец родной,
сильнейшее влияние небес
испытывать на родине земной.

Когда б не это, я б на стенку лез
от «благ, растущих» в холода и в зной,
чтоб сокрушить влияние небес
и помыслы унизить в час дрянной.

Но ход времен на родине земной
наглядно превращает в перегной
все то, что представляет интерес
в противовес влиянию небес.

Об этом, этом скрипка за стеной
поет всю ночь под ливень проливной,
поет все утро и весь день и вечно,
и вряд ли этот звук рожден струной!..

1977

ПАТЛАТАЯ КОЗА

Патлатая коза
поила молоком
меня, мою сестру,
котенка со щенком.
Она спала в сенях
и грела помещенье
и знала в травах толк
и в нежном обращенье.

Мне было восемь лет,
когда промчался пьяный
и мотоциклом сбил
козу весной туманной.
Он пятьдесят рублей
вернул, сказав, что десять —
ей красная цена.
Я мог его повесить,
зарезать, утопить,
казнить на гильотине!
Но жизнь не мог вернуть
своей родной скотине.

И некого пасти
мне было в это лето...
Я смертно тосковал
и плакал в час рассвета,

когда выводят коз
счастливые мальчишки.
И боль была сильней,
чем в самой сильной книжке.

1983

В ЧАС ДОЖДЯ

Чешет ливень
по крышам Арбата!
В облаках непроглядного пара
слышен гром грозового набата —
в каждом зове четыре удара.

Так колотится
сердце природы
в час, когда начинается приступ
дождепада
и нежный зародыш
вылезает
из тьмы серебристой.

Где-то в поле, на лиственной байке,
этот образ,
дитя — огуречек,
погремушкой трясет из колечек,
поливаемых
ливнем
из шайки,—

и от радости плиты Арбата
содрогаются в громе,
в разрядке.
Все, что свято,—
единством объято!
Это чувствуют плиты и грядки

в час, когда под балконным цементом
ищут сушу
промокшие ситцы,
чтоб, воспользовавшись моментом,
друг на друга
с любовью коситься.

1978

* * *

Оживают в лесу муравейники,
Глина теплая пахнет весной,
И ручей, словно кофе в кофейнике,
Закипает в канаве лесной.

Что-то детское в воздухе носится,
Чей-то щебет рождается в нем,
Кувыркается, на руки просится,
Ночью плачет и светится днем.

Лошадь просится вместе с коровою
Прогуляться на четверть часа,
Зелень в ельнике выщипать новую,
Поглядеть на свои небеса.

Внук и внучка Анисима-резчика
К этим просьбам душой не черствы:
Лошадь пьет из ручья-перебежчика,
Ест корова лохмотья травы.

А пастух и пастушка сопливые —
Тары-бары верхом на бревне —
Рассуждают на темы счастливые:
О земле, о тепле, о весне,

И толкуют дела деревенские
Словно баба с родным мужиком.
А весенние ветры вселенские —
Взад-вперед по земле наждаком.

1980

БУМАЖНЫЙ ЗМЕЙ

Переплетением ветвей
Рассвет туманный проявился
На пленке воздуха, где вился
Бумажный одичавший змей.

В полночном городе пустом
Он чудом вырвался на волю
И плыл по воздуху пластом —
К воображаемому полю!

Но крючья, трубы, провода
Его хватали, как воришку,
И чуть не вздернули на вышку
За то, что он летел туда,
Где не бывать им — никогда!..

А змей кусался, бил хвостом,
И вырывался вновь на волю,
И плыл по воздуху пластом —
К воображаемому полю!

В него ползучий паровоз
Дохнул угаром ядовитым,
Змей чувствовал себя убитым,
Но целой голову унес!

Его хотел туман сдавить
И ветер скомкать, как бумажку,

Но змей и тут не дал промашку
И взвился, не теряя нить!

Он ловит побелевшим ртом
Холодный воздух! Он с трудом,
В надежде собирая волю,
Плывет по воздуху пластом —
К воображаемому полю!

Там, если приземлишься в тишь,
Так все равно потом взлетишь!
Конечно, можно все отдать,
Стерпеть за эту благодать —
Взлетать, и падать, и взлетать!

1977

* * *

Выплываю на лодке в залив.
Так свободен — что сердце щемит.
И полночной волны чернослив
Так лилов и так звездно шумит!

Как всегда между небом и дном,
Умолкает рассудочный ум.
Но вздыхающим ярким пятном
Веет радость меж небом и дном —
Радость плыть хоть куда, наобум!

Табуны камышей вороша,
Ветер виснет на шее, дыша,
Как родимое мне существо.
Если б знать, что такое душа,—
Можно больше не знать ничего!

1977

ЧЕТВЕРО

Ребенок не спит и диктует желанья.
Он хочет заснуть и не может заснуть.
Но сердится в дреме наивная няня:
Он может заснуть и не хочет заснуть!

Отец его курит, пальто не снимая,—
Он хочет уйти и не может уйти.
А женщина смотрит, как глухонемая:
Он может уйти и не хочет уйти!

Он думает сам о себе в это время:
Любить не могу, разлюбить не могу.
Она обращается к зеркалу в раме:
Убить не могу, разлюбить помогу!

А дождик течет, а ребенку не спится,
И няня несет ему чаю попить.
И шепот: страшнее любить и расстаться,
Чем ныне остаться и впредь не любить!

Все трое уснули, а няне не спится:
— Пошто и родиться, коль всем умирать?—
А дождик бубнит ей:
Не надо сердиться —
Страшней не родиться, чем умирать!

1974

НОЧНОЕ ДЕЖУРСТВО

Больничный санитар косит
И водку пьет тайком из грелки.
Осенний дождик моросит.
Над дверью красный крест висит,
И курят в тамбуре сиделки.

Здоровье, как позорный груз,
Я ощущаю каждой клеткой,—
Носилок деревянный хруст
Пронзает зубы болью едкой,
И над пергаментным больным
Я чувствую себя стальным.

А остальным вокруг меня
Привычны и никак не внове
Штампованная простыня
В подтеках отшумевшей крови,
Жуть кислорода в изголовье
И поседевшая родня.

Назавтра, с наступленьем дня,
Я сдам дежурство в хирургии.
И хлеб, и солнце, и другие
Плоды земли, воды, огня
Затмят почти на трое суток
Суть битвы, чей размах так жуток.

Я сутки первые просплю,
Вторые сутки промечтаю,
На третьи — книгу почитаю,
А на четвертые куплю
Билет туда, где хлороформ
Морозит душу в хоре форм.

И древнегреческая мгла
Ко мне нахлынет отовсюду,
И словно бог, я молча буду
Во мгле переносить тела
Из кузова и со стола
В постель — в огонь или в метель,
Где жизнь срывается с петель
И пульс в запястье равен чуду.

Пройдут года, и никогда
Не сглажу никакими снами
Я сутки этого труда.
...Струится дождь, цветет звезда,
Поет сирена временами,
А кровь сочится, как вода,
И смерть с косой идет за нами,
А жизнь с иглой идет за нами
И шьет и штопает в потемках,
В халате на восьми тесемках.

1975

* * *

В это дождливое лето
Дожди барабанят в корыто,
В деревянную бочку,
В оловянную кружку,
В стеклянную речку.
Топишь чугунную печку
И слышишь, как струйками с крыши
Время вливается в вечность,
И каплет жестокая точность,
И каплет,
И каплет,
И каплет —
Но яблоки зреют и зреют,
Их собирают в корзинки,
Тряпкой стирают слезинки,
Ведрами тащат на рынки,
Варят,
Пекут,
Выжимают.
А время вливается в вечность,
И каплет жестокая точность,
Прозрачность, живая невзрачность,
А в общем, осенняя прочность —
И есть в ней вселенская прелесть!..
Дни барабанят в корыто,
В деревянную бочку,
В оловянную кружку,
В стеклянную речку,

И уходят, держась друг за дружку
И давая нам знать в одиночку,
Что время вливается в вечность,
И тянет живую цепочку,
И нас забирает с собою,
Второпях никого не забыв.

1978

РУБКА ДРОВ

Отец топором размахался с утра,
Он рубит дрова посредине двора
И пот рукавом утирает.
А снег под галошами сладко хрустит,
И вдруг я увидел, как время летит
И тихо отца забирает.

Ударил какой-то чудовищный свет,
И в теле отца я увидел скелет,
Обтянутый кожей родимой,
Скелет улыбался отечески мне,
Пыхтел папироской верхом на бревне,
А бедное сердце мое в глубине
Застряло от ужаса льдиной.

И был я уверен, что голая суть —
Вот это виденье, стеснившее грудь.
Мне, кажется, жить расхотелось,
Но я в этот грех еще впасть не успел,
Как вдруг мой отец потихоньку запел,
Топор засверкал, и снежок заскрипел,
И в щепки бревно разлетелось!

И я увидал молодого отца,
Глубоким стыдом багровея с лица

И в мир возвращаясь с повинной.
Топор все сверкал, а снежок все скрипел,
Все пел мой отец, все работал и пел —
Была эта песенка длинной!..

1979

НА ТРЕТЬЕЙ ПОЛКЕ

Третья полка
По мне коротка,
Я сложился,
Как ножик карманный,
И заснул,
И проехал века,
И очнулся
На станции странной.

Там я — мальчик
С ведерком в руке,
Там размера я
Двадцать восьмого...
Вишня там
Продается в кульке
И певучая
Слышится мова.

И матроски моей воротник
Синей птицей
Там по ветру вьется.
Разбуди же скорей, проводник,—
Сердце,
Сердце
Вот-вот разорвется!

1985

НОЧЛЕГ В РЫБАЦКОМ ПОСЕЛКЕ

Болота бульканье и хрусты камышей,
И девочка с улыбкой до ушей,
И женщина с ведром на коромысле,
И почтальон с бутылкой молока,
И ужин, и ночлег у рыбака
Сопровождали ход безмолвной мысли.

Когда я попросился к ним в жилье,
Стирала Валда детское белье,
А Гуннар проверял тетрадь Катрины.
Уха из осетровой головы
В котле бурлила. И морские львы
Ползли из волн в прямоугольнике картины.

Бригитта, Имант, Сандра, Анатол
Тарелки глиняные ставили на стол
И хлеб душистый резали ломтями.
Змеился перламутровый туман,
Играл на дудке ветер, как шаман,—
Кино такое шло в оконной раме.

На самом деле — сумерки сошлись,
И паром шла болот балтийских слизь,
И влага моря в облаках витала.
И от Москвы кирпичной вдалеке
Я с деревянной ложкою в руке
Рыбацкий ужин ел. И ночь настала.

Да, ночь настала. И огонь погас,
И раздавался моря мощный бас,
И ветер дул то в трубы, то в свирели,
И зрели звезды в кущах облаков,
И фонари балтийских маяков,
Как жреческие пламенья, горели.

Все трое: море, суша, небеса —
Порою повышали голоса,
Решая честно собственные споры.
И это мыслям было в лад моим,
И створки врат приоткрывало им
В природы жизнетворные просторы.

1974

ОТКРЫТКА

На буксире пахнет рыбой,
сельдью пахнет
и треской.
Мы плывет за льдистой глыбой,
за молчальницей морской.
...Бог ты мой,
как пахнет липой
в эти дни
бульвар Тверской!

Мы раскидываем сети,
не даем пропасть добру,
где икрою рыбьи дети
жмутся к рыбьему ребру.
...Боже, снов моих свидетель,
как же сладко и тоскливо
на рассвете пахнет ивой
пруд в Серебряном бору!

Мы бросаем раз в неделю
якорь в бухте ледяной.
Доски улиц пахнут елью,
прелью пахнут земляной.
Скрип крюков,
канатов,
петель...

Боже, снов моих свидетель,
соловьенок
со свирелью
бродит Сретенкой ночной.

Я пишу открытку другу,
акробату,
молодцу —
оказать прошу услугу
и, придав задор лицу,
прогулять мою подругу
по Садовому кольцу.

1974

* * *

Ребенок ненавидит шарф
и все, что сдавливает горло...
Он выбегает на мороз,
распахивая воротник!
Своей просторной правотой
он разъяряет нас упорно,
и брызжет нрав его крутой
как обжигающий родник.

Пусты слова о красоте,
его сжимающей свободу.
И яркость тряпки шерстяной
ему на горле —
как петля!
Он дышит в этой тесноте,
как рыба,
рвущаяся в воду,
когда вытаскивает сеть
из моря
жадная земля!

Но время сделает свое...
И он одним небрежным жестом
на горле замотает шарф,
как это делает поэт,
чтоб задохнуться в широте,

чья узость
стала общим местом,
последним воздуха глотком —
любовь и тьма, любовь и свет!

1978

* * *

Расстаться, разорваться на куски,
Задуть, залить и затоптать ногами
Высокий столб огня и столб тоски,
Смешать с землей и распахать плугами,
Чтоб расцвели картофеля ростки.

С цепи сорвитесь, паровозные свистки,
И этот поезд выдерните с корнем —
Пускай щеглы, жасмины, родники
Вас околдуют на просторе горном!
А я вскопаю чернозем железом черным,
Чтоб расцвели картофеля ростки.

В золе, в дождливом, трезвом сентябре,
Спекутся клубни, и глубоким жаром
Обдаст серебряная россыпь в кожуре —
И сердце треснет! И молочным паром
Душа сорвется с губ — и чем-то старым
Кольнет, напомнив о потерянном ребре.

1975

ПЕРВАЯ РАЗЛУКА

Я ем. Я глух и нем.
Я должен сердце сжать.
— Открой окно!
— Зачем?
— Чтоб было чем дышать.

Кому я говорю?
Метели? Январю?
Кто отвечает мне?
Январь? Метель в окне?

Мой дом настолько пуст,
Что слышен веток хруст,
Когда ворочается куст
На белоснежной простыне.

Настолько пуст мой дом,
Что рыба подо льдом,
Ворочаясь в глубоком сне,
Звенит, как пряжка на ремне.

Я ем. О, волчий аппетит!
В зубах — початок дней хрустит,

А налетевшая строка —
Она пугающе легка,
Поскольку не издалека.
Я ем. Я глух и нем пока.

1969

БАЛЛАДА ПРОЩАНИЯ

Когда рухнул меж нами
Невиданный мост
И метался меж нами
Глухой океан,
Я тянулся руками к соломинкам звезд,
Я хватался за воздух, за черный туман.

Как бездонная лодка, я несся во мрак,
В грохотание волн, причиняющих боль.
Я встречал в этом пекле
Таких же бедняг,
Потерпевших крушенье! Жестокая соль

Серебрила их лица щетиной седой,
Разъедала их губы и жаждой сожгла!
Мы питались отвагой
И горькой водой —
И достигли земли! И живая игла

Перештопала шелком
Разодранный шелк
Погибающих,
Чудом спасенных сердец!
Я не сделался волком, и брат мой — не волк,
Но прошелся по мне беспощадный резец.

Твой возвышенный, безукоризненный вкус
Тосковал по таким вот — как брат мой, как я.
        Твое сердце довольно,
        Что выжил не трус.
        Ты горда — словно это
        Заслуга твоя.

        Но считай, мое солнце,
        Что я утонул,
        Захлебнулся,
        Навеки исчез без следа!
Океан меня с тем лишь условьем вернул,
Чтобы я распрощался с тобой навсегда.

1975

* * *

Осиновый шелест
меня разбудил,
осиновый ветер и дрожь,
как будто по комнате
кто-то ходил
и шарил повсюду и сплошь.

Листал он тетради
при свете луны,
и шепотом вслух бормотал
какие-то строки
неравной длины,
и слезы волненья глотал.

И руки его —
от стены до стены —
во всю простирались тоску.
И ритмы, которые
были тесны,
он с треском ломал — как доску!

Но этого мало!
Он вышел в окно,
где воздух пылал грозовой,
и выжал из туч
молодое вино
на землю с иссохшей травой.

1980

* * *

Что-то случилось, что-то стряслось,
треснуло что-то, лопнула ось,
наши колеса — квадратны.
К нам отовсюду бегут толкачи —
помощь оказывать днем и в ночи,
силы огромны, слова горячи,
помыслы невероятны.

Каждый толкает в свою лесостепь,
глубже от этого ржавая цепь
нашу терзает живучесть.
Господи, я виноват, виноват,
я не могу полюбить этот ад
и прославлять эту участь.

1989

ПРОБЕЛ

Дружелюбье, отвага, доверье
ископаемой сделались редкостью.
Человек истреблял их как зверя —
с охотничьей меткостью!

Он изгнал их из леса прогресса,
затравил натасканной сворой,
для научного интереса
на расплод оставляя, который

племенные утратил качества,
наследственную живучесть.
Не отвага теперь, а рвачество
поединков решает участь.

И если ночной порою
погорельцы стучатся в двери,—
им никто не откроет,
им никто не поверит,

потому что в мире, прекрасном таком
и яростном от изобилий,
никто не способен быть дураком
и добреньким простофилей.

1980

* * *

Континент истопников и дворников,
зона чрезвычайных несобытий,
языком эзопских разговорников
вылизанный путь кровопролитий,
и тоской дымящие создания
нервные докуривают клетки
в необъятном зале ожидания
лучших дней второй тысячелетки.
Племя ждущих, сыновья и дочери
очереди в вечность! Не соскучусь
в тесноте твоей — сосредоточили
и во мне мистическую ждучесть,
праздный грех безропотного племени...
А и то сказать пора бы смело:
главный ужас, что убийство времени —
лучше, чем иная польза дела.

1981

* * *

А время было страшное.
В своем ли мы уме?
Уж лучше рукопашная,
чем жить в таком дерьме.

Уж лучше душу бренную
отправить в небеса,
чем жить с такой гангреною
хотя бы полчаса.

Мы — племя очень кроткое.
И кто нас упрекнет,
что заливали водкою
мы свой позорный гнет?

Да кто бы это вынес
без общего наркоза —
без водки, анекдотов
и русского мороза?..

1986

* * *

Не то чтобы правда — дороже,
А просто иначе — никак!
Нет выбора!
Если предложат,
Я выберу — я не дурак.

Для птицы
Я выберу пенье,
Для зверя —
Зубастую пасть,
Для камня —
Терпенье,
Терпенье,
Для яблони —
Яблоки в масть.

Но можно ли выбрать
Не воздух,
Когда о дыхании речь?
И выбрать
Не землю родную,
Где нам после жизни прилечь...

Не вижу
Причины гордиться,

Что эта мне участь дана
И прочее мне не годится,
Как яблоне —
Хобот слона.

1980

* * *

Море было и ушло —
И оставило пустыню.
И песками замело
Чью-то крепость
И святыню.
Чью-то хижину в саду.
Чьи-то финики
И фиги.
Чью-то лень,
Любовь к труду,
Жизни сладостные миги...
Но песчаный переплет
Этих пустошей могучих,
Этой книги трав колючих,
Обещает —
И не врет!—
На странице потаенной,
Что поэт вечнозеленый
Все вернет нам,
Все вернет!..

1979

О РУССКОЙ РИФМЕ

Нет, рифма выжила не для того, чтоб ею
Дурачить слух и души соблазнять.
Она — магнит, подъемлющий идею,
И всем Гераклам не под силу их разнять.

Изделия бесстыжих рифмоплетов
Словесность русская сметает со стола.
И смотрит совесть,
Вдохновительница взлетов,
На волны рифм как на живые зеркала.

И наших дней правдивая картина
Свободно движется...
Искусства яркий плод
Слюнявая не сдавит паутина,
Которую извергнет рифмоплет.

Поэзии спасительные ветры
Освободят словесности простор,
Рифмованного вздора километры
Швырнув на свалку в разный грязный сор.
И вздрогнем оттого, что до сих пор
Роняет лес багряный свой убор.

1974

КАКТУС

Кактус, колючее солнце пустыни,
Желто-зеленая древность!
Вижу твой лик над песками густыми,
Линию жизни — напевность
Линии, душу вдыхающей в имя...
Силами я очарован твоими,
Светлую зависть питаю
И ревность.

Жизни твоей изумрудная жила
Старше египетских мумий.
То, что природа тебе предложила,—
Плод миражей и безумий,
Бред каравана в пламени ада...
Но, благодарный,
Ты — тень и ограда.
Как мало же благ тебе надо!

Воин щетинистый, бритоголовый,
Жаждой страдающий вечно,—
Ты драгоценнее ветви лавровой,
Чье торжество скоротечно.
И аскетизм твоей плоти здоровой
Выражен так человечно!..
...Ты — не чернец, записавшийся
в странники,
Ты — титанический образ ботаники...

1974

ДВА БЛИЗНЕЦА

Два близнеца, Добро и Зло,
из лона вместе в мир явились.
Два близнеца, Добро и Зло,
ревели вместе и резвились.

Два близнеца, Добро и Зло,
в единой мокли колыбели,
два близнеца, Добро и Зло,
одну и ту же кашу ели.

Два близнеца, Добро и Зло,
в одном барахтались манеже,
двух близнецов, Добро и Зло,
купали в дни одни и те же.

Двух близнецов, Добро и Зло,
везли одни и те же санки,
у них обоих, как назло,
одни и те же ныли ранки.

Двум близнецам, Добру и Злу,
пришлось зубрить одно и то же,
вдвоем сопеть в одном углу,
терпеть, что все у них похоже.

Держа вдвоем одну пилу,
чтоб суть пилить одну и ту же,
один проворно служит злу,
другой добру упорно служит.

Одно и то же ремесло,
предмет любви и сила духа,
но тот — Добро, а этот — Зло,
здесь — тайна жизни, там — разруха...

1977

* * *

Прошуршали деньги
в бумажнике.
Связали барашка
веревочкой...
Он лежит и блеет
в багажнике,
мотает кудрявой
головочкой.
Покупатель пошел
за резником,
а резник живет
за балкой...
Как взмахнет он
ножом железненьким —
ох, барашка Петрушке
жалко!
Он прижал его
к сердцу
руками,
улетает с ним
в облака,
чтоб не видеть,
как мамка зубами
тащит с прутьев
куски шашлыка.

1980

В ПОРТУ

Подводная лодка всплыла
Из пучины морской.
Доносятся с берега
Музыка, запахи лета...
Как сон, разливается
Пряный настой городской,
И пахнет магнолией
Даже моя сигарета.

Здесь парами ходят,
Батистом и ситцем шуршат.
В кофейные чашечки
Светит луна молодая.
И бисером мелким
Сверкают глаза лягушат,
Когда они смотрят на звезды,
Добычу глотая.

Красавица кисточкой
Свой освежает глазок,
На лавочке сидя,
Как маршал в палатке походной.
Клянусь я влюбиться в нее,
Если мне повезет
Сюда через год возвратиться
На лодке подводной!

1978

ДВОРНИК И ПТИЦЫ

Вышел дворник в телогрейке,
Поглядел на небо
И раскутал на скамейке
Две горбушки хлеба.

И, вдохнув с небесной вышки
Запахи кормушки,
Налетели воробьишки
На его горбушки.

— Ох, продрогшие, худые,
Видно, с голодухи!
Ох, и клювы молодые,
Вжик — и нет краюхи!

Улыбался, как младенец,
Старичок беззубый,
Соскребая со ступенец
Снег набрякший, грубый.

Не снимая рукавицы,
Дед курил с причмоком.
А на нем сидели птицы,
Словно он — душа теплицы
С вечным солнцепеком.

1976

* * *

Уже за окнами умытая весна
расчесывает гребнем деревянным
густую гриву,
смятую от сна,
густую гриву туч
под ветром пьяным.

Еще не топлено.
Еще не разожглось
пыланье звонкое.
Но этот бодрый холод —
совсем не то, что зимней стужи злость.

И тело жизни
вербным светится пушком,
его улыбка разлита в природе,
оно летит,
плывет,
идет пешком —
навстречу воскрешающей свободе.

1985

ПОЕТ СКВОРЕЦ

Вертится зеленый глобус,
А на нем поет скворец,
Голубой плывет автобус,
А на нем поет скворец.
Ландыш продает старушка,
А на ней поет скворец,
Пенится пивная кружка,
А на ней поет скворец.
Мама вешает бельишко,
А на ней поет скворец.
Любит девочку мальчишка,
А на ней поет скворец.
В банк заходит инкассатор,
А на нем поет скворец.
Кот гуляет полосатый,
А на нем поет скворец.
Жду подругу под часами,
А на них поет скворец.
Над землей, под небесами,
У тебя над волосами
Целый день поет скворец.
И стоит перед глазами
Город в золоте мимозы,
Март, смеющийся сквозь слезы,
А над ним поет скворец!

1977

* * *

Дрожит, как в небе кипарис,
наш бесколесный шарабанчик.
На лямках в воздухе повис
дождя прозрачный барабанчик!

Переливается, журчит
и брызжет в нос, как одуванчик,
но ни секунды не молчит
дождя горластый барабанчик!

Из-под прищепки рвется вдаль,
танцует детский сарафанчик,—
он — как рояльная педаль,
дрожит, почуяв барабанчик!

И мы — туда же! Да, и мы,
подставив небесам стаканчик,
дрожа въезжаем на холмы,
откуда спущен барабанчик.

И с голубого потолка
я вижу, как мерцает пленка,
и пар идет от молока,
и нимбом шевелит Буренка!

1978

* * *

Гроза промчалась и оставила поток,
и, чтоб земля его как губка не впитала,
он на дыбы встает,
он делает виток,
пытаясь вырваться
из берегов квартала.
Он ищет путь
для возвращенья в небеса,
он хочет стечь туда,
как дождь с мяча стекает.
Но сила, дующая ветром в паруса,
его изматывает — и не отпускает,
пока земля не выпьет залпом этот хмель,
младое сусло облачных давилен!
Все пересохло!
Зной дымился шесть недель,
и мир молился,
чтобы ливень был обилен.
Назад — ни капли!
Зря клокочешь, разъярясь,
о грозовая, о живая ты, водица!
Ты возвратишься в небеса —
сквозь нашу грязь.
Втопчись, впитайся!
Путь один — развоплотиться!
Отсюда в небо возвратится
только пар,
прозрачность легкая — зовут ее душою.

Ты помнишь?..
Помнишь, как в лучах ее купал
и тучей вдруг она окуталась большою?

1979

ЛЕТЯЩАЯ СОБАКА

По дороге зимней, твердой
Мимо Крымского моста
Шла собака с гордой мордой,
С мордой, гордой неспроста!
Шла собака в одиночку,
Безнадзорно шла, легко,
По душевному звоночку
Шла куда-то далеко.

Снег летал над ней воздушно,
Выли вслед четыре друга...
Улыбалась простодушно
Эта гордая зверюга,
В синеве ночного мрака
Отвечала звонким лаем:
— Только раз живет собака!
Хоть на воле погуляем,
Хоть поскачем на добычу,
Погоняемся за дичью,
Пасть разинем, хвост — трубою:
Наслажденье — быть собою!

Независимо, привольно
Шла собака по Москве,
Мысли бегали проворно
В ее светлой голове.
Серебрилось ее тело,
С синим воздухом сливалось,

А потом оно взлетело
И летящим оставалось,
Легким облаком, летящим
Средь созвездий зодиака
И на землю вниз глядящим,
Как летящая собака.

1976

ЦИРК

Идет по канату циркачка,
Глядит на циркачку поэт,—
Его флегматичная спячка
Кончается, сходит на нет!

Он чувствует холод в ключице,
К нему возвратилась душа,
Чтоб в зрелище жизни включиться,
В программу, что так хороша!

Рукой по классической челке
Он гладит себя и глядит
Туда, где в лазоревом шелке
Циркачка, как птичка, летит.

Циркачка, худая, как спичка,
Под вздох детворы городской
Летит, как небесная птичка,
И манит поэта рукой!

Он мигом срывается с кресла
К той двери, где вход воспрещен,—
Душа у поэта воскресла,
Он всеми любим и прощен!

Он заново жить начинает,
Он будет пеленки стирать,
Уже он стихи сочиняет,
В которых немыслимо врать!

Житейскую тяжкую тачку
Он будет катить по горам,
Работать как вол и циркачку
Водить по московским дворам,

Где нищее детство поэта
Питалось нежирным куском...
...А Муза у стойки буфета
Врунишке грозит кулаком...

1973

БАРАБУЛЬКА

Если дни
Дождливые
В Батуми
Или просто пасмурно,
Ненастно,—
Я сижу себе,
Как царь в раздумье,
Не теряю
Времени напрасно:
Барабулька
Ловится прекрасно!

Маленькая рыбка барабулька
Булькает у берега,
Где мелко.
Скоро будет
Полная кастрюлька,
Скоро будет
Полная тарелка.
Все, что мы наудим,—
Наше будет,
Но при этом
Нас так ловко
Удит,
Жадно ловит
Часовая стрелка!

Ловит нас,
Как рыбку барабульку,
Стайками снующую,
Где мелко.

1978

ОСЕННЯЯ ДАЛЬ

Такой невечер,
Нерассвет,
Такой нездешний
Нетуман,
Как будто вечной тверди нет,
А только — вечный океан,
За окнами качанье волн,
Журчанье струй,
Бездонный плеск,
Скамья —
Как затонувший челн —
Балладный излучает блеск.
Она навеки прилегла
В углу,
Где только мне и ей
Незримые колокола
Поют с утопших кораблей.
И нам бубнит
Со дна веков
Свою балладную тоску
Матрос,
Чья грудь — из облаков:
Скажи спасибо табаку!
Он попивает черный эль
И вдаль пускает черный дым.
Он — страшный враль!
Он сел на мель,
И стонет колокол над ним.

И нам поет,
Что смерти нет
Для тех, кто выбрал океан
И вечный путь
На вечный свет
Сквозь полный тайнами туман.
Он врет,
Как врали в старину
Волынщики,
Певцы баллад.
И я готов
Идти ко дну,
Чтоб так же врать на новый лад!

1976

НАША ВЕДЬМА

Кто не любит страшной сказки,
Где покорною слугой
От завязки до развязки
Ведьма шарит кочергой?

Жарит-парит то и это
И на оторопь живым
Кочегарит жар сюжета
С простодушьем вековым!

Всяк дурак обманет ведьму —
Как цыпленка, сунет в печь,
А потом сварганит свадьбу,
Чтоб на царской дочке лечь.

А когда мороз ударит —
Кто в котельной кочегарит,
Печь шурует кочергой,
Ходит бабою-ягой?
Ведьма, ведьма, кто другой?!

Неподкупной ведьмы честность
Оскорбляет всю окрестность —
Ведь за каторжный свой труд
Ведьмы взяток не берут!

Эй, добряк, не улюлюкай
Над бессмертной, грустной злюкой!

За талант ее печальный
Поднеси ей спирт хрустальный
Да упитанной красы
Бублик русской колбасы.

Это лакомство для ведьмы —
Отказаться от колбаски!
Но живое сердце ведьмы
Не откажется от ласки —

И состроит ведьма глазки,
И растопит ведьма печь,
Где себя готова сжечь
Для румяной страшной сказки!

1978

ЯРМАРКА 18... ГОДА

Петрушка и городовой
валяли ваньку в балагане.
Медведь играл на барабане.
И, как медведь, садился в сани
боярин в шубе меховой.

Уже струилось Рождество
из каждой тучи поднебесной,
дышало тесто в бочке тесной
и процветало шутовство
в утробе ярмарки воскресной!

Художник маслом на фанере
в лубочной, радостной манере
все это нам размалевал:
и то, как праздник в полной мере
свои красоты разливал,
сочась за пазуху, сквозь двери...
И то, как мишка делал сбор,
давая публике почтенной
возможность бросить грош надменный
в прежалкий головной убор,
засаленный, как сковородка...

Так трогательно, грустно, кротко
большой медведь глядел в упор,
как будто в нем заглох мотор,
который греет только водка!

Художник, пьянь и ротозей,
свою картину счел мазнею
и без труда расстался с ней
за рюмку в обществе друзей —
и молодец! Во-первых, сразу
согрелся водкой, скушал зразу,
а во-вторых, попал в музей!
А в-третьих, жил не унывая
в краю, где вьюга, завывая,
щемила душу бедняка,
и царь был лют, и климат — гадость...
Но ярко приливала радость
к щекам российского лубка!

1974

В СВЕТЕ ПИКАССО

В этом снежном вертящемся шаре
Собачонка визжит на бульваре,
Голубая визжит собачонка,
И бежит голубая девчонка
С поводком в голубой рукавице.
Загляни в содержанье любое,—
Голубое горит, голубое,
Голубое царит и вздыхает,
Полыхает, парит и порхает
В рукавице, в глазной роговице...

Голубеет крылами голубка,
Голубеет заплатами шубка,
Голубеют полозьями санки,
Голубеют деревья с изнанки,
Молоко голубеет в пакете.
Загляни в мирозданье любое —
Голубое горит, голубое,
Голубое царит и вздыхает,
Полыхает, парит и порхает
В третьем, в пятом,
В двадцатом столетье!

1978

ОРЛЕАНСКАЯ ДЕВА

Жанна,
Жизнь,
Ожог и жажда,
Жемчуг,
Женщина!
Живьем,
Жаворонок мой отважный,
Ты сгораешь на своем!

Пламя,
Рухни комом снежным,
Схлынь,
Застынь,
Оледеней,
Не питайся
Пеплом нежным,
Не пытайся
Встать над ней!

Ведь над ней —
Пустыня, вечность,
Там ни ночи нет,
Ни дня.
Разве рощ небесных млечность —
Это пища для огня?

Расступись,
Багровый идол,

Жертву
Выпусти живой,
Разве бог
Тебе не выдал
Норму жалости?
Удвой!

Раздвоись,
Раздвинь пределы
Волшебства!
Рискни на жест!
Стоп!
Вон птичка полетела —
Орлеана вечный крест...

1975

* * *

Птица вольная, журавлик,
улетая, не стони!
Дрожь берет в такие дни,
что останемся одни!
Да, в такие дни, как этот
непроглядно мглистый день,
не бросай на сельских деток
свою сумрачную тень.
Ведь по матушке-природе
ты да мы — одна родня,
твои всхлипы в небосводе
душу тянут из меня!
Вытри слезы кулаками,
вниз на землю оглянись,
улыбнись за облаками,
через силу улыбнись!
Улыбнись в окне небесном,
провожатых успокой:
знак подай, что в мире тесном
всем до всех — подать рукой.
Ведь глазами да зубами,
мертвой хваткою любви
держим образ твой над нами,
над разлучными людьми.
Птица вольная, журавлик,
не сгущай разлучный мрак!
Ведь летучий твой кораблик —
плоть живая, как-никак!

1976

ПАМЯТИ ОТЦА

В окне, холодном как свинец,
Зажав кровавый рот,
Отец мой плакал, как птенец,—
Он знал, что он умрет.

Он больше не курил, не пил,
Не лез в мои дела —
Для смерти силы он копил,
Чтобы сгореть дотла.

И дыбом волосы на нем
Стояли оттого,
Что крепче, крепче с каждым днем
Я целовал его.

Но ужас леденил отца,
Что, спящего три дня,
Его зарыть как мертвеца
Могла живьем родня.

Душа вздохнула глубоко,
Когда открыл отец
Свой рот холодный — широко,
Как жаждущий птенец.

Он стал белей глазурных плит,
Он стал острей лопат.
И смертным потом был облит,
И вечным сном объят,

Он завершил свой тяжкий труд
И плакать перестал.
Как лилия сквозь черный пруд,
Пробился и устал.

1979

* * *

Дикие утки взлетели.
Небо стемнело в окне.
Это дыханье метели
грянуло в голубизне.
Рощицы голая схема
в небе холщовом торчит.
Да, это вечная тема
осенью глухо ворчит!
В мокром песке холодеет
лодка и мокрая сеть.
Мокрый кустарник редеет...
Что бы такое надеть?
Лисью, медвежью ли шкуру? —
чтоб не дрожать на ветру
в мокром кристалле вселенной,
где родился и умру.

1979

* * *

Осеннего листа
расширенные вены,
дождливые места
и рубленые стены,
лесные сквозняки,
свистящие за дверью,
льняные гусаки,
летящие над Тверью.

Как больно слышать стон
сгибаемой природы!
Кто — ворон или клен
завыл от непогоды?
Кто — камень или волк
на смерзшейся дороге
ночами щелк да щелк,
чтоб вызвать спазм тревоги?..

И кто-то, чуть дыша,
туманит стекла окон,
и, в темноте шурша,
листву свивает в кокон,
и в ствол карандаша
вонзает грифель света...
Кто? Не слыхать ответа.
Ведь не могла душа,
незрелая душа,
одушевить все это!..

1976

СНЕГОПАД

Когда расцвел дремучий снег
И снег над снегом шумно рос,
Раздвинул снежный человек
Родные грозди снежных лоз —

И в снежных зарослях сверкнул
Голубоватый снежный глаз.
И разрастался снежный гул,
И снежная заря зажглась.

И, выжимая снежный сок
Из грозди, полной снежных нег,
Он шел, как снег, наискосок
И скрылся в вечности навек,
Мой снег — мой снежный человек.

1975

* * *

Лепечут
Латгальские белки
На пихтовых
Лапах
Мохнатых,
И, словно огонь в перестрелке,
Тасуются стайки хвостатых,
Оранжевых,
Рыжих,
Багровых,
Искрящихся
Чертиков парка.
И толпам
Сугробов суровых
От этого прыганья жарко!

А слева
Качается море,
И волны
Холодной толпою
Ползут
На незримое взгорье
И видят они над собою,
Как блещут
Латгальские звезды,
И, словно
Латгальские белки,
Искрятся,
Взлетая на воздух

И беличьи строя
Проделки!

И, словно огонь в перестрелке,
Тасуются звездные стайки
В глубинах небесного парка.
И тучам,
Где снежные струйки,—
От этого прыганья жарко!

1974

* * *

Я еду от края до края земли.
За окнами — ветер, вода и Фили,
Зеленая лодка
Лежит на мели,
Еловая скрипка
Играет вдали.

А крылья деревьев
Прильнули к холсту,
Который такую
Заткал высоту,
Что каждая жилка
Сквозит на свету —
Как млечная вечность
В минутном быту.

Беззубые звезды сияют на дне,
В заоблачной байке,
В тугой пелене,
Они — как младенцы в воздушной стране.
И мы обретемся на той вышине!

Я вижу последние
Проблески дня
И первые блески
Ночного огня.

Когда полетим
Меж луной и травою,
Любимая,
Крепче держись за меня.

1978

* * *

Этот мальчик
Мне противен,
Он по-наглому
Спортивен,
Он по-наглому
Свободен
От сомнений и тоски.
У него одна забота —
Нагло
Победить кого-то,
Нагло
Взять свое от жизни,
Выбрать
Жирные куски.

У него повадки бычьи,
Он печется о величьи,
Напирая
Грубой силой
На воздушные пути.
Да, воздушными путями
Ходит муза с новостями,—
Там, работая локтями,
Можно
Ног не унести.

Отвечает он на это:
— Нас рассудит кто-то,
Где-то,

Мне плевать
На эти виды,
Погруженные в туман!
Есть суровая реальность,
Это — просто ненормальность
Не бодаться,
Не лягаться,
Если втянут
В караван!

И уходит он
Со свистом,
На лице своем костистом
Унося
Усмешку черта,
Суетливого, как черт.
И высматривает в гуще
Взором хищным,
Стерегущим —
Как промчаться
Мимо смерти?
И решает
Выйти в черти,
Выйти в черти —
Первый сорт!

1973

* * *

В саду бурлят вишневые сиропы,
Из листьев сливы — соткан гобелен:
Луна с лицом похищенной Европы
Зовет на помощь и не хочет в плен!
Ее уносят вихри силы темной,
Обняв добычу воровской рукой.
И гром, и молния, и посвист вероломный —
Все тут как тут, поблажки никакой!
В грозу так сладко спать в зеленых кущах!
И все глаза туда обращены,
Где на волнах, недвижных и текущих,
Цветут неувядаемые сны.
И ты читаешь эти сны живые,
Читаешь повесть огненных небес,
Где веки Вия, веки вековые,
Спадают вниз, как ужас всех завес.

1976

НА ЗАРЕ

По лесенке,
лесенке,
лесенке,
По лесенке — в небо с земли
Уходит
Мотив
Человеческой песенки,
В репейниках звонких,
в пыли,
В серебряных нитях и звездах
Падучих снегов и дождей...
Уходит в слезах,
неизбежных как воздух:
Где люди не плачут — там нету людей!
По лесенке,
лесенке,
лесенке
Вернется на землю с небес
Наивный мотив
человеческой песенки,
Чтоб в памяти сделать глубокий надрез,
И ветку привить молодую,
И чувству вернуть аромат,
И выпустить листьями
свежесть святую
По лесенке,
лесенке,
лесенке —
в сад,

Где солнце сквозит, освещая
Грядущий и пройденный путь,
И птица поет небольшая:
«Будь-будь!
Не забудь — не забудь!»

1976

КУВШИН

Узок в талии,
В бедрах широк
Виноградного спирта хранитель,
Он развяжет язык
И шнурок,
Он прикажет —
И братственный рог
Разопьют ученик
И учитель.

Стройным рощам
Античных олив,
Воскресающим крыльям растений
Этот образ обязан,
Продлив
Столько юностей,
Столько волнений,
Столько песен,
Черемух, сиреней,
Пьяных вёсен,
Где каждый красив!

Так пускай
С белоснежных вершин
Льется свет,
Золотистый и алый,
В этот глиняный
Звонкий кувшин,

А потом из кувшина —
В бокалы,
А потом из бокала —
В подвалы
Черно-белой души!
Там стоят драгоценные вина,
Их черед предвещает Марина
В оглушительно звонкой тиши,
В темно-красной пещере кувшина.

1978

ДВА ЧЕЛОВЕКА ИЗ ПРОШЛОГО ВЕКА

Шел Иван из Костромы
В город необъятный —
Людям править башмаки
Кожей сыромятной,
Спать в собачьей конуре
На Тишинском рынке,
А сыночку покупать
Книжки да картинки.
Требуху себе варить,
Согреваться рванью,
А сыночку отворить
Дверь к образованью.

За Иваном шел сынок —
Лет пяти, не боле,
На веревочке волок
Он два пуда соли —
Для себя и для отца,
Чтоб не одолжаться,
Жить, покудова сольца
Будет продолжаться!

И брели они пешком
В город необъятный,
Затянувшись ремешком
Кожи сыромятной.
По дороге подрастал
Ванечкин сыночек,

А Иван поменьше стал,
Съежился в комочек,
Головенка — в серебре,
Череп заострился,
Точат колики в ребре
И хребет скривился.

Сын чахоточный ведет
Ванечку за ручку,
И на кладбище идет,
И кладет на тучку,
И рядком ложится сам
Отдыхать отныне,
И читает по складам
Имя по-латыни.
До чего латынь легка,
До чего сподручна!
А дорога далека,
Жизнь бедняги коротка,
Соль выходит из мешка
Быстро и беззвучно...

— Что им — скучно в Костроме?
Шастают в столицу!
А потом — копай в ночи
Мокрую землицу,
Да жандарму отпиши
Наподобье акта:
Схоронили две души,
Две чахоточные вши.
Так-то, мол, и так-то...

1976

СКВАЖИНА

Осенней рощи
нефтяной фонтан,
звезды осенней
нефтяная вспышка.
Гудящий,
словно нефтяная вышка,
ферганский атлетический платан.

Плодов осенних
нефтяная мощь,
цветов осенних
нефтяные краски,
осенних молний
нефтяные связки
и нефтяной,
густой осенний дождь.

Как баржи,
проплывают поезда
в густом,
осеннем
нефтяном тумане.
Стихи —
как нефть в моем существованье:
из темной глуби
брызжут иногда.

Я чую миг,
когда у них в плену
рокочет дух,
взмывая к небосклону
и превратясь
в струистую колонну,
вонзенную
в земную глубину,—

и слышу
соков шелест нефтяной,
сердцебиенье нефти временами...
И, наконец,
листвы осенней пламя,
как нефть над скважиной,
рокочет надо мной.

1975

* * *

А кто я? И что представляю собою?
Не солнечный клоун, не солнечный зайчик,
не гений свирепый, не пишущий мальчик,—
а чувство живое и слово живое.

Откуда я взялся? Я взялся из жизни.
А чем занимался? Ничем, кроме жизни.
А кем увлекался? Никем, кроме жизни.
Ни с кем, кроме жизни, не ладил я в жизни.

Живая природа и книга живая,
живая душа и живое страданье —
судьбою живою все это сшивая,
живой человек полюбил мирозданье.

От этой любви появились впервые
живая трава и живая скотина,
живая вода и живая картина,
я тоже из них,
это братство едино —
живое, живая, живой и живые!

1966

* * *

Я люблю дождливый день
и ненастную погоду,
когда облачная тень
выплывает на свободу

и туманит даль полей,
городов и сел окрестных
и настырностью своей
портит нрав девиц прелестных.

Мне же не было вреда
никогда от непогоды —
выношу я без труда
серую тоску природы —

ведь приходится и ей
примиряться в час законный
с голубой тоской моей
и с моей тоской зеленой!

Так в семье дышать легко
даже в полосе страданья,
если льется широко
свет взаимопониманья.

1978

* * *

Мне говорят: не смей синицей щебетать,
Петь соловьем и в карканье пускаться,
И в сферы дальние не вздумай залетать,
И в преисподнюю не вздумай опускаться,

Забудь о вымыслах и целься правдой в лоб,
Держись рукой за провод оголенный!
Пускай вселенная вросла в гелиотроп
И в нем ворочает свой уголь раскаленный,—

Но ты не вздумай у цветочного торжка
Терять сознание и забывать о планке,
Которую воздвигли для прыжка,
Для попаданья рукописи в гранки.

Смешком презрительным противься красоте:
Своими чарами она растлит, разложит
Твой дух неопытный, чья прелесть — в чистоте,
В такой суровости, где роза цвесть не может,

А только молнии да пламя могут цвесть,
Сжигая все, что зря прилипло к нашим тропам.
...Но перед тем, как торс над планкою пронесть,
Я краем глаза прихвачу благую весть
Там, где вселенная цветет гелиотропом.

1976

* * *

Нет, не фаянсовый болванчик
И не фарфоровый божок,
А седовласый одуванчик
Посажен ветром на лужок.

Кто запустил его качаться
На вековых коврах травы,
Встречать мгновенья
И прощаться
Одним наклоном головы?

Кого он видит постоянно
И с кем беседа у него?
Сквозит ручей,
Цветет поляна...
Здесь Жизнь —
И больше никого!

Ужели ей
Он бьет поклоны,
Седея над коврами дней,
Чтоб сквозь прозрачные заслоны
Пушинкой
Вновь пробиться к ней?

А если не ее,—
Кого же
Он видит в бездне голубой
И где же вечность взять он может
На разговор с самим собой?

1979

ПАСЕЧНИК

Этот пасечник меда не любит,
Этот пасечник любит вино.
Слухи есть, что законно погубит,
Вгонит в гроб забулдыгу оно.

Он живет за чертою Калуги,
Где медовые липы дрожат,
А над ними — как пляжи на юге,
Пчелы желтые сладко жужжат.

— Как не выпить,— старик размышляет,—
Если Люба моя померла,
Если в липах моих промышляет,
Как пьянчужка хмельная, пчела?

Не уныло, а славно и мило
Мне жилось и досталось всего —
Слава богу, и выпить что было,
Было также и пить отчего.

Было много и меду, и воску,
Пил я в доску — хотя бы вчера.
А помру — надо мною, как соску,
Будет чмокать ромашку пчела.

Будет пчелка посасывать венчик,
Я натужусь и ей подсоблю,
Чтобы медом лечился младенчик,
Выздоравливал в этом хмелю.

1974

ЗИМНЕЕ

Струйка снега
утром с неба
пролилась.
Над «Молочной» —
свет молочный.
Вижу связь
между ветром и струной,
между облаком и мной.
И от этого родства
все становится прочней:
мысли, чувства и слова,
мостик железнодорожный,
куст живой среди камней,
совесть предстоящих дней,
горькой правды
образ сложный.

1974

ДОЖИТЬ ДО ЛУЧШИХ ДНЕЙ

Не брось пакет от молока,
оконце в нем прорежь,
подвесь его под облака,
и все, что сам не съешь,
клади туда в морозный час,
корми голодных птиц.
Вот ты и будешь тот, кто спас
от голода синиц!
Вот ты и будешь тот, кто дал
дожить до лучших дней
тому, кто пел и голодал,
летая средь ветвей!
Вот ты и будешь тот, кто влил
надежду и тепло
в сердечко между хрупких крыл,
когда морозом жгло!
Синицей будешь ты воспет,
как негасимый свет,
как тот, кто сыпал ей пшено
в небесное окно!

1967

* * *

Белизна, желтизна, синева —
Это осени нашей канва,
Это снег, это каменный город,
Это ветки загорской листва.

Катит желтый автобус во мгле,
Колесо шелестит по земле,
Шелестит караван журавлиный
В облаках на оконном стекле.

Катит синий автобус в дожде,
Колесо шелестит по воде,
Шелестят кругосветные ветры
Над порожним гнездом в слободе.

Вот и белый автобус летит,
Колесо по снегам шелестит,
Шелестит снегирек над рябиной,
Там, где сахарный яхонт блестит.

Где-то в самом конце ноября,
Шелестящую дверь отворя,
Шелестит уходящая осень,
Как леса шелестят и моря.

Иногда ее образ живой
Стрелкой вдруг шелестнет часовой,
Шелестнет гениальной страницей
Ямбов, блещущих снежной Москвой.

Оборвется дыханье на миг!
И, глуша благодарности крик,
Ты успеешь связать воедино
Этот шелест природы и книг.

1974

* * *

Неизбежен твой приход,
но его очарованье —
даже в глыбе темных вод,
даже в сереньком тумане!

Деревенский человек,
за рожном рванувший в город,
я спасаюсь в твой ковчег,
мы плывем в потоп и в холод —

скот, и птица, и жучок
уцелеют в этой щепке!
Мы зажаты в кулачок,
мы подколоты под скрепки!

Мы — до точки доплывем,
до горы, покрытой снегом,—
на листочки разорвем
ситуацию с ковчегом!

Их подхватит ветер, тьма,
крылья вьюги ледяные,
и навалится зима
на художества земные.

Но один осенний лист,
под сугробом догнивая,
вдруг всплакнет, что мы спаслись,
лавры вымысла
срывая,
правду вымысла
скрывая.

1979

ЛИВЕНЬ В ЕРЕВАНЕ

За стеной в армянских витражах
облака росли, как на дрожжах,
и желток июля в вышине
жарился на медленном огне.
Но оттуда, где курил восток
табака пергаментный листок,—
временами бил лиловый ток,
с треском сотрясая облака.
Грохнул гром!
Мифический поток
с диким воплем грянул с потолка!

Я спасался, задыхался, плыл,
расползались горы под водой,
превращаясь в океанский ил,
становясь питательной средой
для холодных, допотопных рыб.
Я боялся рыбьей стать едой,
я кричал от страха, я охрип!

И тогда раздался нежный всхлип,
словно капля света пролилась,
словно чудо выдул стеклодув,—
а на самом деле пронеслась
веточка, которая спаслась,
поместившись в голубиный клюв.

1977

ЗА ГОРОДОМ

Туман пеленает поля,
Кустарник
От холода
Розов,
И дышит ровнее земля
В предчувствии
Зимних морозов.

Короче становятся дни,
Луна загорается рано,
Речных пароходов огни
Так елочно светят,
Стеклянно.

Шуршала речная волна,
А ныне
Проносится
С хрустом,
И ласка ее холодна
В сравнении
С прежним-то чувством.

Настал холоданий черед,
Поры ветровейной
И бурной,—

Об этом
Ворона орет
На кроне колючей,
Гравюрной,

Об этом
В овраге ворчит
Поток,
Набегающий с крыши,
Об этом
Природа молчит,
Которая мужеством дышит.

И листик,
Заплывший в ведро,
Где брезжит
Вода из колодца,
Похож на златое перо —
Вот-вот откровенье прольется!

1972

* * *

Подросток
подростку
сует папироску
и с вызовом смотрит в глаза,
свистит, соблазняет,
и дразнит, и знает,
что этого делать
нельзя!

Но темная сила
его раскусила
и делает дело свое,
и шепот порочный,
и дух ее сочный
блаженство сулят, забытье,

веселье и праздник!
И друга он дразнит,
в глаза ему
дымом
пых-пых,
играя на нервах
свободой, во-первых,
и злой красотой, во-вторых!

Коварная проба!
И спаяны оба
проклятьем —
водой не разлить!

...Ничто не простится,
и то отомстится,
и это...
Но страшно растлить!

1978

* * *

До свиданья, семья соловья,—
Вот и песенка спета твоя.
А под сливой, лиловой, слезливой,
По ночам индевеет скамья.

Кто там так барабанит в окно,
Что в глазах, как в болотах, темно?
Это — дождик, небесный извозчик,
Рассыпает с телеги зерно,—

Виноват, говорит, виноват,
Да ведь зябну и путь длинноват,
Мокнут вожжи, а тучи — как дрожжи,
Брызжут в нос, облепить норовят.

Ах, ямщик, не гони лошадей!
Что ты хлещешь и хлещешь людей?
Ты опомнись да солнцем наполнись —
Дай погреться, потом охладей.

Да, потом расфуфыривай зыбь,
Самородные зернышки сыпь
На телегу,— чтоб в облаке снегу
Шла царицей болотная выпь,

А вокруг бы хрустел, как тулуп,
Мех мороза, что жарок и груб,
Вьюга-Марфа из козьего шарфа
Дула в шар, улетающий с губ!

Осень, осень! Ты десять недель
Дверцу в душу срываешь с петель,
Чтобы голосом белым запела,
Словно мир погружен в колыбель.

А потом ты завалишь тишком
Эту дверцу высоким снежком,
Чтоб лопатой, железной, щербатой,
Слово взвесило бездну с пушком.

1972

ВАГОННЫЙ ШЕПОТ

— Как подсватывал меня
доктор всяческих наук,
он богачеством хвалился,
брюхо пялил, как паук.
Перезябла, передрогла —
да с таким не буду ввек.
Я не то чтоб недотрога,
а и все же — человек.

Как подсватывал меня
подполковник молодой,—
что за умница, красавец,
дача с газом и водой!
Перезябла, передрогла —
да с таким не буду ввек,
у него разводов много,
бросил много человек.

Как подсватывал меня
паренечек-штукатур,
дали Васеньке квартиру,
мы купили гарнитур.
Перезябла, передрогла,
поженились — да вдова...
Очень прожили недолго —
с майских дней до Рождества.

Умер в раковой больнице...
А паскудам — сносу нет.
Знать бы все — так не родиться
лучше девочкам на свет!
Перезябла, передрогла...
Дочку бросили с дитем.
Чтобы ей была подмога,
снег на улице метем.
Двадцать годиков девчонке,
наметем ей на пальто,—
вдруг непьющий да небьющий
к ней подсватается кто?..

1982

* * *

Я хотел отразить, как зеркальная гладь,
Этот мир, эту снегом покрытую прядь,
Эту арку и этот бездомный фонарь,
Эту нежность и этот суровый январь.

Но зеркальная гладь не смогла ничего.
Все, что в ней отразилось,— настолько мертво,
Что хотелось немедленно взять и разбить:
Отраженное в ней невозможно любить!

И я понял наитьем, что только мотив,
Подхватив, до предела сгустив, воплотив,
Может вечную жизнь
Мимолетному дать —
Всем, кого умертвляет зеркальная гладь.

1973

* * *

Высоко, пчела, не улетишь,
небеса твои — не выше липы.
Ты — не чайка, не веселый стриж,
у тебя — другие архетипы.
Ты прилипла к кельям восковым,
как народы к сладкой дрожи вымен,
как прилип к событьям вековым
восковой, келейный старец Пимен.
Только в глубь, где плавает нектар,
ты вопьешься, как безумец — в точку!
Только эта страсть, и этот жар,
и добыча эта в одиночку,

и жужжанье над своим листком,
лепестком, расцветшим для добычи,
поднимает дух одним рывком —
выше туч, где реют стаи птичьи,
выше песен, спетых под хмельком,
выше танцев в воздухе горячем!
И, как старец, ссохшийся тайком,
ты уснешь и вновь проснешься с плачем —
чтоб летать не выше, чем сейчас,
чтоб жужжать не веселей, чем ныне,
чтоб, в окно холодное стучась,
пить глазами свой же мед в кувшине.

1976

* * *

Тот, кто не спал до утра,
в собственных безднах витая,
знает: ночная пора —
это пора золотая,
ветры свистят,
листья летят,
птицы грустят,
слезы блестят.

Птицы грустят,
вырываясь из тьмы
к дальнему, теплому свету.
Слезы блестят,
потому что у птиц
мыслей о вечности нету,
есть облака,
око стрелка,
крылья и грудь,
песня и путь.

Око бессонницы,
око стрелка,
выберет миг подходящий,
выстрел пошлет
и пробьет облака,
полные стаей летящей.
Облако выронит
слезы, как ртуть,

дней размотает
катушку.
Песня и путь,
только песня и путь
не попадутся на мушку.

Этот мотив —
такой примитив,
как прялка и лен,
и этим силен!

1980

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

За окном — начало марта,
зимней стужи бита карта!
Соловьиная метель
веет снегом слабогрудым...
Но по топям, по запрудам,
пешим ходом,
вязким бродом
к нам шагает коростель.

Будет лето в абрикосах,
в кукурузных будет косах
ветер нежиться степной...
Все вернется в лучшем виде —
никому не быть в обиде,
не корежиться в неволе,
не лежать убитым в поле,
развороченном войной.

Мало этого нам, что ли?..
Ох, для глупых — маловато,
для неумных — мелковато,
для неглупых — старовато,
а для умных — в самый раз!..

1982

* * *

Сначала ливня звук
раздался дальней флейтой,
потом пустился вдруг
греметь ведром и лейкой,

забулькал водосток
и вспыхнула канава,
и за листком листок
пошла купать дубраву.

На крыше пузыри
плясали мелким бесом,
звенели пустыри,
ступени под навесом,

заквакала бадья
у дома почтальона.
Немного погодя
раздался вкус лимона,

лимонная луна
дышала на свободе,
и благодать в природе
была растворена.

1979

СОДЕРЖАНИЕ

Юрий Голицын

(Юрий Григорьевич Васильев)

СКВАЖИНА

Редактор А. А. Руденко
Художественный редактор Н. С. Лаврентьев
Технический редактор Г. В. Климушкина
Корректор Т. М. Павлюченко

ИБ № 7335

Сдано в набор 17.10.90. Подписано к печати 13.12.90. Формат 70×108 1/32. Бумага офсетная № 1. Литературная гарнитура. Офсетная печать. Усл. печ. л. 5,6. Уч.-изд. л. 3,39. Тираж 4680 экз. Заказ № 707. Цена 35 коп. Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11

Тульская типография Государственного комитета СССР по печати, 300600, г. Тула, проспект Ленина, 109

Голицын Ю.

Г 60 Скважина: Стихи.— М.: Советский писатель, 1991.— 128 с.

ISBN 5—265—01243—5

Юрия Голицына отличают серьезность, несуетность, жесткая требовательность к себе. Он хорошо чувствует слово, готов поиграть с ним — как играют с огнем,— чтобы внезапно в простом, привычном открылись новые оттенки, новые смысловые ассоциации. В этой первой книге поэта, складывавшейся много лет, ощущается твердая рука мастера.

Г $\frac{4702010202—409}{083(02)—91}$ 178—90

ББК 84 Р 7

35 коп.